

Шекспир Уильям

01.04.98
51

Бедный Уилл! Я знал его, Горацио...

Автор "Игры об Уильяме Шекспире" отвечает оппонентам

Культура. — 1998. —
26 марта — 1 апр. — с. 12

Наверное, автору книги совсем не обязательно отвечать на каждую появившуюся в печати рецензию: если основные факты и концепции, заключенные в книге, верны, они рано или поздно сами преодолеют непонимание или неприятие.

Но поскольку и в самой книге "Игра об Уильяме Шекспире, или Гайна Великого Феникса", и в нескольких опубликованных после ее выхода интервью я неоднократно приглашал оппонентов к дискуссии, появление пусть пока и немногих, но долго ожидавшихся полемических выступлений заслуживает внимания и анализа.

Известно, что причиной сначала возникновения сомнений, а потом и полного неприятия традиционного представления о том, что автором шекспировских произведений (то есть Шекспиром) был пайщик лондонской актерской труппы Уильям Шакспер из Стратфорда, является противоречие. Невиданное в истории, неустранимое, просто чудовищное несоответствие между тем, что свидетельствуют шекспировские пьесы, поэмы, сонеты о своем авторе — "Уильяме Потрясающем Копьем" — не только гениальном поэте и драматурге, но и самой образованной и эрудированной личности своего времени, и тем, что стало постепенно известно об Уильяме Шакспере — человеке в лучшем случае малограмотном.

Поэтому защитники стратфордской традиции и культа всегда старались если не устранить полностью, то, по крайней мере, как-то преуменьшить, затушевать пропасть, отделяющую стратфордца от Великого Барда Уильяма Шекспира.

Для этого, с одной стороны, замалчиваются или затушевываются научно установленные факты о высочайшей образованности, ни с кем из современников не сравнимой эрудиции Автора (или авторов) шекспировских произведений, знание иностранных языков, использование множества иностранных источников, не говоря уже об английских; таким путем Шекспира пытаются как-то "опростить", приблизить хоть на несколько дюймов к почти нулевому культурному уровню стратфордца. С другой стороны, всячески "смягчаются", ставятся под сомнение, а то и вовсе замалчиваются достоверные, документальные факты об Уильяме Шакспере: неграмотность всей его семьи, включая его детей, отсутствие у него даже начального образования и вообще отсутствие каких-то подтверждений, что этот человек умел хотя бы читать и писать или что в его доме когда-нибудь водилась такая вещь, как книга, мелкое ростовщичество и жестокое преследование должников и т.п. Для нейтрализации этих неприятных фактов, особенно их взаимоподтверждающей совокупности, читателю обычно предлагается небогатый набор старых или слегка подновленных вымыслов.

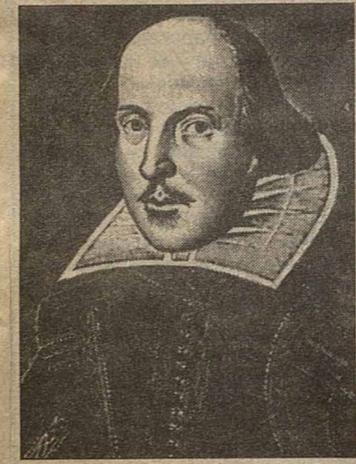
Например, откуда бы у нигде не учившегося Шакспера взяться знанию иностранных языков? Сочиняются сказки о некоем неизвестном образованном приятеле, читавшем Шаксперу иностранные книги и вставлявшем в "его" пьесы французские и другие тексты...

Как мог Великий Бард (судя по его произведениям — самый обра-

зованный человек эпохи) оставить своих детей неграмотными?! Ответить на этот вопрос ортодоксам, конечно, чрезвычайно трудно. Но можно высказать предположение, что у Шакспера были неважные отношения с женой и дочерьми и вообще он, наверное, не был особо нежным отцом, потому и не удосужился обучить дочерей хотя бы элементарной грамоте.

А как насчет "удивительного" отсутствия следов хотя бы одной книги в его доме (для сравнения — от Бена Джонсона, несмотря на пожар в его библиотеке, дошло немало принадлежавших ему книг)? Читателю рассказывается о двух давно найденных книгах с надписанными инициалами владельца — W.S. и чьими-то пометками — вот вам и искомая "библиотека" Шакспера! Неважно, что и тогда, и позже в Англии жили сотни людей, чьи инициалы совпадали с этими. Никогда не существовало ни клочка бумаги, ни строки, написанной рукой Шакспера — как это опровергнуть? А вот как: на ходятся графологи, которые сравнивают его пресловутые подписи-закорючки (единственные "шекспировские рукописи") с теми или иными рукописными текстами того времени и объявляют, что они написаны одной и той же рукой. Так случилось с найденной в прошлом веке пьесой "Томас Мор", написанной шестью различными почерками, один из которых кое-кому кажется "похожим" на шекспировские подписи.

Другие защитники "бедного Уилла" детали "шекспировского вопроса" и причины его возникновения вдаются еще меньше. Вот

Слева: портрет графа Рэтленда — истинного, по мнению автора статьи, Шекспира. Справа: В.Шекспир. Гравюра М.Дройхута в Первом фолио. 1623 г.

К.Кедров в статье "О бедном Шакспере замолвите слово" ("Новые Известия", 31 января 1998 г.), признавая отсутствие у Шакспера "специального образования" (так деликатно он обозначает образовательный багаж стратфордца), утверждает, что, несмотря на все свои мало совместимые с писательством особенности, этот человек вполне мог написать шекспировские произведения, ибо "гений — это всегда невозможное".

Несколько иной теоретический подход к задаче защиты "бедного Шакспера" от не разбирающихся в его сложной природе обидчиков продемонстрировал А.Зверев в статье "Бедный Уилл!" ("Культура", 15 января 1998 г.).

Наскоро повторив те же давно знакомые, но уже названные "солидно аргументированными" домыслы, приписывающие Шаксперу несколько страниц из рукописи пьесы "Томас Мор" и "библиотеку" из двух книг с "его" инициалами, иронически отозвавшись о тех, кто из-за разных пустяковых биографических фактов вздумал сомневаться в том, что неграмотный человек мог написать "Гамлета", "Лири" и сонеты, А.Зверев доводит до всеобщего сведения, насколько это "крайне опасное занятие — реконструировать житейскую достоверность, отправляясь от художественного факта. Как и воспринимать этот факт сквозь призму будничных обстоятельств". Из какого такого "художественного факта", скажите на милость, "реконструирована" неграмотность всей семьи Шакспера, отсутствие у него даже начального образования, ужасное

завещание? Речь идет не о простом несовпадении каких-то мелких житейских и "художественных" деталей (как это пытается представить А.Зверев), а о непреодолимой, чудовищной пропасти, отделяющей Шакспера не только от шекспировских творений, но и от таких материй, как литература и поэзия вообще.

В посрамление зловредного "биографического метода" приводится неудачная попытка В.Ходасевича вычислить прототипа героини пушкинской "Русалки", после которой он напрочь отказался от своей мечты создать биографию Пушкина, что рекомендуется сделать и нам в отношении Шекспира. Притянутые за волосы "параллели" с Пушкиным и другими великими классиками встречаются и у других защитников "бедного Уилла". Но проблемы биографии Пушкина (жизнь которого прослежена временами до дней и часов, его видели и описывали в дневниках, письмах и публикациях сотни людей, от него остались тысячи страниц рукописей не идут ни в какое сравнение с чудовищным противоречием, лежащим в основе "шекспировского вопроса". Задам А.Звереву и его единомышленникам такой вопрос: если бы кто-то стал убеждать вас, что Александр Пушкин родился в неграмотной крестьянской семье, не получил никакого образования, не оставил ни строки, написанной его рукой, что его дети всю жизнь оставались неграмотными и т.п., что ответили бы вы такому "биографу"? Наверняка вы сказали бы ему, что он глубоко ошибается, что он рассказывает не об авторе "Евгения Онеги-

на", а о ком-то совершенно другом!

Показательно, что и А.Зверева, и К.Кедрова занимает лишь защита традиционной веры в стратфордского Шакспера; результаты последних успешных исследований, которым посвящена большая часть книги, эти оппоненты как будто вообще не заметили, даже такие сенсационные, как открытие российскими исследователями (впервые за четыре столетия!) уникальных одинаковых водяных знаков в хранящихся в Лондоне и Вашингтоне экземплярах честерского сборника "Жертва Любви", как новая датировка и идентификация прототипов героев этой книги (а значит, и самого загадочного шекспировского произведения), уже признанные рядом авторитетных западных специалистов. Что уж там говорить о других важнейших (независимо от тех или иных взглядов на "шекспировский вопрос") результатах: постижение смысла многолетнего раблезианского фарса вокруг придворного шута Томаса Коризта и обстоятельств появления Великого (Первого) шекспировского фолио, джонсоновского "Печального Пастуха"... Ни словечка не удостоились и открытия жившего в эмиграции русского профессора Петра Пороховщикова.

Вот А.Зверев и недоумевает, "отчего то никто и ни разу всерьез не озаботился вопросом о том, для чего бы "истинному Шекспиру", Великому Барду, прятаться за спиной ничтожества... к чему весь этот маскарад?". Да на этот вопрос и в тексте книги, и в ее главики, и в старинной гравюре на фронтисписе, и в замечательном (но до этого малоизвестном) сти-

хотворении Набокова дан ясный и подтвержденный множеством фактов ответ: перед нами — Великая Игра, гениальная Пьеса — самое блестящее создание великого драматурга, сценой для которого стало само Время, а роль не только зрителей, но и участников отведена сменяющим друг друга поколениям смертных. Подавляющая часть читателей и рецензентов прочитали и поняли этот ответ, но не А.Зверев: он настоячиво требует объяснить, зачем это им (Рэтлендам, Сидни, Пембукам) было нужно, что они от этого имели. Выясняется, что А.Зверев не знает даже названия честерского сборника — главного объекта исследования. Все это позволяет обоснованно предположить, что наш критик рецензируемую книгу "Игра об Уильяме Шекспире" внимательно не прочитал, ограничившись страницами, относящимися к интересующему его "шекспировскому вопросу". Для того чтобы иметь повод выступить со слегка подновленными доводами, "параллелями" и теоретическими выкладками в защиту "бедного стратфордского Уилла", этого, возможно, и достаточно. Но для серьезного разговора о новом и главном — об открытиях и гипотезах, явившихся результатом сложных многоплановых исследований, желательно все-таки прочитать страницы книги, об этих исследованиях повествующие. Условие, я полагаю, не слишком обременительное — как никак речь идет о путях постижения величайшего феномена мировой культуры. О постижении Шекспира.

Илья ГИЛИЛОВ